

II. АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В. И. КАЦ

Эмпорий Херсонес

Экономическая и политическая структура Херсонеса Таврического в ранний период его существования (конец V — середина IV вв. до н. э.) в связи с крайней скудостью источников, в первую очередь письменных, во многом остается для нас неясной.

Были попытки представить Херсонес в начальный период его истории как небольшое поселение, главным и, вероятно, единственным занятием жителей которого была торговля с местным таврским населением¹. Однако никаких прямых доказательств в пользу этой гипотезы приведено не было. Не появились они и к настоящему времени. Напротив, материалы раскопок и разведок, проведенных в последние десятилетия в глубинных районах Юго-западного Крыма, дают основания говорить об отсутствии экономических и социальных предпосылок для широкого товарообмена проживавших здесь тавров с греками не только в конце V—IV вв., но и значительно позже².

---

¹ Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 76; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 54—55.

² Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСП. М., 1959. С. 247—248; Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965. С. 127—132; Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-западном Крыму в VI—IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979; Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 211.

Значительно большее распространение получило представление об исключительно аграрной направленности экономики Херсонеса с момента его возникновения³. Несмотря на кажущуюся стройность этой концепции, аргументация, приводимая в ее подтверждение, является далеко не бесспорной. Поэтому не случайно все чаще стали появляться заявления о недопустимости недооценки роли торговли, в первую очередь транзитной, в экономике раннего Херсонеса⁴.

Примиришь эти полярные оценки недавно попыталась А. А. Зедгенидзе. Она полагает, что уже на рубеже V—IV вв. Херсонес имел всесторонне развитую экономическую структуру. Доходы, получаемые от активной посреднической торговли, позволили жителям города к началу IV в. осуществить организацию хоры, создать относительно развитое ремесленное производство и завершить формирование демократических политических институтов⁵.

Таким образом, по мнению А. А. Зедгенидзе, процесс становления херсонесского полиса заканчивается уже в первые десятилетия после появления гераклеийских колонистов в Юго-западном Крыму. Однако эти положения не представляются убедительными, так как являются результатом произвольного удревления на несколько десятилетий таких важных моментов в жизни раннего Херсонеса, как освоение греческими мореходами краткого южного маршрута плавания по Черному морю, размежевание территории Маячного мыса, создание мощного гончарного производства в городе⁶.

³ Тюменев А. И. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 76; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 27; Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // Археологический сборник. Л., 1965. С. 135.

⁴ Кац В. И. О роли торгового фактора в возникновении Херсонеса Таврического // УЗ МОПИ. Т. 21. Вып. 5. 1965. С. 139; Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземномья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332; Сапрыкин С. Ю. Экономические основы колонизационной деятельности Гераклеи Понтийской // Проблемы греческой колонизации ... С. 178.

⁵ Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический и классический период. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983.

⁶ Методика определения «новых» дат оказалась на удивление простой. В качестве основного материала, датирующего отмеченные выше события, использованы клейма I группы синопских астиномов. При этом А. А. Зедгенидзе отказалась от общепринятых абсолютных дат их бытования (360—320 гг. до н. э.) и приняла предложенные Б. А. Василенко (СА. 1971. № 3. С. 246 сл.) хронологические границы (конец V — рубеж первой и второй четверти IV вв.). При этом проигнорирован тот факт, что передатировка,

Видимо, не случайно А. А. Зедгенидзе лишь вскользь упоминает о том, что в «Перипле» псевдо-Скилака, где впервые указан Херсонес, он определен автором как эмпорий. Между тем, именно эта оценка, как нам представляется, дает ключ к пониманию своеобразия экономической и политической структуры раннего Херсонеса.

К сожалению, мы пока не располагаем детальным терминологическим анализом этого обширного географического справочника, служившего с середины IV в. до н. э. первоклассным руководством для мореходов, плававших по Средиземному и Черному морям⁷. Поэтому остается не совсем ясным тот смысл, который вкладывает автор, называя Херсонес эмпорием.

Обратимся к § 68 перипла, в котором упомянут Херсонес. Здесь автор после описания Западного черноморского побережья до реки Днестр сразу переходит к характеристике Крыма. Указав на то, что горную, вдающуюся в море часть полуострова населяют тавры, псевдо-Скилак отмечает наличие на этой территории «эмпория Херсонес», расположенного вблизи мыса Бараний Лоб. Далее перечисляются греческие города Восточного Крыма, коренным населением которого являются скифы. Закончив изложение этих общих сведений о Крымском полуострове, автор в заключение дает весьма важное для мореплавателей указание: «от Истра (Дунай) до Бараньего Лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив» (Ps. Skyl. 68).

В приведенном отрывке привлекают внимание два момента: употребление термина эмпорий при обозначении Херсонеса

предложенная Б. А. Василенко, встретила серьезные возражения (См.: Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 186; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 42 сл.). Интересная находка, подтверждающая традиционную дату начала клеймения в Синопе, была недавно сделана на Фасосе. В засыпи колодца, надежно датированной Фасосскими клеймами 370—330 гг. обнаружен штемпель синопского астинома начала I хронологической группы (Blonde F. Matériel amphorique récemment trouvé dans un puits a Thasos // Recherches sur les amphores Grecques. 1986. BCH. Suppl. XIII. P. 278).

⁷ Geographi Graeci Minores. Ed. K. O. Muller. Paris. 1855. P. XLIII—L; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin. 1931. Скржинская М. В. Опис Північного Причорномор'я в «Периплі ойкумени» псевдо-Скилака і «Перієгесі» псевдо-Скіма // Археологія. 35. 1980. С. 25—31.

та и настойчивый совет мореходам воспользоваться кратким маршрутом плавания от Истра к берегам Таврики.

Следует иметь в виду, что в настоящее время не имеется общепризнанного и согласованного определения термина эмпорий⁸. В какой-то степени этому способствует употребление без особой отчетливости данного понятия отдельными древними авторами, которые зачастую одно и то же поселение определяют то как эмпорий, то как полис. Несмотря на наличие такого терминологического разнобоя, прослеживается и определенная закономерность — термин эмпорий обычно применяется к поселениям с торговой направленностью экономики и в первую очередь ко всем пунктам морской торговли⁹.

В анализируемом перипле мы встречаем довольно разработанную терминологическую классификацию поселений. Большая их часть названа полисами, значительно реже упоминаются апойки (Ps. Skyl. 2, 3, 12), укрепления и крепости (Ps. Skyl. 38, 39, 46, 67), гавани (Ps. Skyl. 84—86), эмпории (Ps. Skyl. 1, 34, 67, 68, 102).

Характерно при этом, что при описании Причерноморья псевдо-Скилак употребил термин эмпорий только применительно к Херсонесу, в то время как в Средиземноморье подобных пунктов им названо более десяти. Показательно упоминание города Эмпорион в Иберии: «Эмпорион, греческий город по имени Эмпорион» (Ps. Skyl. 2). Несомненно, автор специально акцентирует внимание на том факте, что данное поселение эллинов, хотя оно и носило название Эмпорион, в его время имело уже статус полиса. Действительно, к середине IV в., когда был составлен перипл, Эмпорион являлся крупным торговым и ремесленным центром, контролировавшим не только прилегающую к городу прибрежную полосу, но и отдельные области внутри материка. Вместе с тем, название этот пункт получил не случайно, так как на первом этапе своего существования в VI — начале V веков Эмпорион являлся небольшой факторией, расположенной на островке у побережья¹⁰.

---

⁸ Это четко выявилось в ходе дискуссии по докладом, прочитанным на I Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья (См.: Проблемы греческой колонизации ... С. 32—33, 202, 346, 355, 368, 405).

⁹ RE. Hlbd. V. Sp. 2532.

¹⁰ Козловская В. И. К вопросу о фокейской колонизации Испании // Проблемы греческой колонизации ... С. 58—59; Коротких Л. М. Фокейская колонизация Испании. Эмпорион: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 16 сл.

Таким образом, уточнение, которое делает псевдо-Скилак в отношении Эмпориона не только вполне правомерно, но оно же показывает, что автор четко разграничивает статусы эмпория и полиса. Какое же содержание он вкладывает в понятие эмпорий? Прямых указаний на сей счет перипл не содержит, но по ряду косвенных данных признаки, характеризующие этот тип поселений, удается определить достаточно надежно.

Во-первых, все пункты, названные в перипле эмпориями, расположены в прибрежной зоне, в районах, занятых варварскими племенами (иберами, иллирийцами, фракийцами). Во-вторых, дополнительную информацию об экономическом и политическом статусе эмпориев, на наш взгляд, содержит § 67 перипла, дающий описание южного побережья Фракии. Перечислив расположенные в этом районе греческие города Амфиполь, Фагрет, Галепс, Ойсиме и назвав их полисами, автор далее замечает, что в междуречье Стримона и Несте имеются и другие эмпории фасосцев.

Действительно, уже в V в. до н. э. остров Фасос осуществлял контроль над этой частью материковой Фракии, районом, получившим название Фасосская Пиерия. Геродот, называя ряд расположенных здесь поселений фасосскими городами, отмечал получение метрополией больших доходов от своих материковых владений (VI. 46; VII. 108, 118). В связи с введением в научный оборот новых эпиграфических памятников, принципы организации Пиерии, статус поселений этого района и степень экономического и политического влияния Фасоса на них недавно вновь привлекли внимание исследователей¹¹.

Имеются веские основания полагать, что данная территория составляла своеобразную материковую часть фасосского государства, а ее жители находились под фасосской юрисдикцией¹². Несомненно, осуществлялся как экономический, так и политический контроль метрополии над поселениями Пиерии. Однако степень этого контроля могла быть различной. Круп-

¹¹ Pouilloux J. Recherch sur l'histoire et les cultes de Thasos // Etudes Thasiennes. V. 3. Paris. 1954; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 71 ff.

¹² Об этом, в частности, свидетельствует принятый в конце V в. закон о виноторговле, запретительные статьи которого касаются как жителей острова Фасоса, так и жителей Пиерии. На территории последней выполнение закона должны были контролировать специальные «чиновники с материка» (См.: Salviat F. La vin de Thasos. Amphores, vin et sources écrites // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 148, 184).

ные города, как например Неаполь, обладали значительным самоуправлением, мелкие же поселения полностью контролировались фасосской администрацией. Видимо, именно эти населенные пункты и названы в перипле эмпориями. Они были меньшими по размеру, чем рядом расположенные полисы, не имели сколь-нибудь значительных земельных владений и соответственно этому не являлись независимыми экономическими и политическими единицами.

Практика создания торговых и военных опорных пунктов на побережье Фракии не являлась изобретением одних фасосцев. К востоку от их владений псевдо-Скилак отмечает наличие других эмпориев, два из которых принадлежали кардианам.

Таким образом, на побережье Фракии удастся зафиксировать своеобразную модель отношений между метрополиями и колониями, когда материнский полис стремился установить и нередко устанавливал не только экономический, но и политический контроль над своими дочерними выселками. В связи с тем, что фасосская Пиерия находилась на относительно близком расстоянии от метрополии, А. Грехем назвал этот феномен «эффектом дистанции»¹³.

С учетом того, что ранний Херсонес также назван в перипле эмпорием, имеются веские основания проверить, нет ли в его экономическом и политическом положении черт, сходных со статусом поселений Фасосской Пиерии.

Не вызывают сомнения относительно небольшие размеры городской территории Херсонеса, по крайней мере, до последней трети IV века¹⁴. Сложнее обстоит дело с определением особенностей экономической жизни раннего города. Как отмечалось выше, нет оснований предполагать наличие сколь-нибудь существенной роли в его экономике торговли с варварским населением Юго-западного Крыма. Вместе с тем, нельзя безоговорочно согласиться и с широко распространенным мнением о господстве земледелия в жизни города с момента его возникновения. Данный вывод базируется, как нам представляется, на некоторых недостаточно доказанных допущениях. Одним из них является признание сугубо аграрного характера колонизации Херсонеса. При этом обычно ссылаются

¹³ Graham. Op. cit. P. 71, 89.

¹⁴ Белов. Херсонес Таврический. С. 41; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИТП. С. 69; Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь. 1976. С. 14--15.

на факт ярковыраженной земледельческой направленности экономики метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской, в связи с чем якобы интересы торговли «никак не могли играть и не играли при освоении города (Херсонеса — В. К.) сколь-нибудь значительной роли»¹⁵.

Признавая основательность вывода о том, что земледелие на протяжении всей античной эпохи оставалось основным источником благосостояния Гераклеи, нельзя не учитывать то, что его основной отраслью было виноградарство и выращивание различных садовых культур¹⁶. Такая специализация сельскохозяйственного производства стимулировала быстрое развитие ремесленной и торговой деятельности гераклеотов. Город довольно рано стал испытывать нужду, с одной стороны, в зерновых продуктах, а с другой, в емких рынках для сбыта своей винодельческой и ремесленной продукции¹⁷. Поэтому характеристика Гераклеи как чисто аграрного полиса в значительной степени искажает картину сложной экономической жизни одного из самых богатых и процветающих городов Причерноморья.

Нельзя согласиться и с тем, что основную часть переселенцев в Херсонес якобы составляли разоренные в ходе разгрома афинянами хоры Гераклеи мелкие землевладельцы, стремившиеся обзавестись во вновь создаваемой колонии новыми участками земли¹⁸. Данное предположение достаточно гипотетично, так как мы не располагаем положительными сведениями о социальном и имущественном составе колонистов. Кроме того, оно не позволяет дать правдоподобное объяснение тем принципам, которыми руководствовались переселенцы при выборе места для вновь создаваемого поселения. Вряд ли имело смысл отправлять земледельцев на противоположный берег Понта, в то время как в непосредственной близости от метрополии находились удобные для занятия земледелием прибрежные районы, в которых Гераклея имела свои опорные пункты уже с середины V в. до н. э.¹⁹

Трудно объяснить с позиций земледельческого характера колонизации и то, что для вновь создаваемого поселения был

---

¹⁵ Тюменев. Указ. соч. С. 76.

¹⁶ Xenoph. Anab. V, 4, 29; Theophr. IX, 14, 4—5; Athen I, 32b.

¹⁷ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 41 сл.

¹⁸ Доманский Я. В. К предьстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 40 сл.

¹⁹ Сапрыкин. Гераклея Понтийская — С. 30.

выбран именно район Юго-западного Крыма, территория, населенная воинственными таврами, в то время как Северо-западное побережье полуострова, где в конце V в. наблюдалась куда более благоприятная экологическая и демографическая обстановка²⁰, не привлекло внимания колонистов.

В качестве одного из основных доказательств аграрного характера гераклейской колонизации зачастую ссылаются на якобы интенсивное освоение для нужд сельскохозяйственного производства с момента возникновения Херсонеса прилегающей к городу территории Гераклейского полуострова. Однако при этом древнейшие наделы граждан Херсонеса обычно ищут на Маячном мысу²¹, расположенном на значительном удалении от Карантинной бухты, на берегу которой осели колонисты. Между тем, обнаруженные на территории Маячного мыса клеры никак не могут считаться первоначальными ранними наделами собственной сельской округи Херсонеса. Во-первых, они возникают не ранее второй четверти IV в., то есть через 50—60 лет после появления в Юго-западном Крыму гераклейских колонистов²². Во-вторых, имеются веские основания полагать, что эти наделы принадлежали жителям так называемого «старого» или «страбонова» Херсонеса, возникшего в то же время на перешейке Маячного мыса.

Конечно, нет никаких оснований отрицать факт использования для сельскохозяйственных нужд какой-то части прилегающих к Херсонесу земель уже вскоре после появления города. Однако масштабы освоения этой территории, видимо, долгое время были крайне ограничены. Вряд ли только делом случая можно объяснить то, что пока известно единственное раннее земледельческое поселение в окрестностях Херсонеса²³. Видимо, широкому использованию данной территории мешал открытый для вторжения соседних варваров характер местности. Что такие набеги не были редкостью в первый период жизни колонии, косвенно свидетельствуют мощные укрепления

---

²⁰ Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 116—117; Савеля. Указ. соч. С. 173.

²¹ Блаватский. Указ. соч. С. 27; Доманский. К предыстории... С. 46; Зедгенидзе. Указ. соч. С. 20; Сапрыкин. Гераклея Понтийская ... С. 63.

²² Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 1. 1972. с. 30—32; Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею. Киев, 1975. С. 135; его же. Полис и хора. С. 41.

²³ Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХС. Вып. IV. 1948.

«страбонова» Херсонеса, полностью закрывавшие доступ на Маячный мыс, где располагались земельные наделы жителей этого поселения²⁴.

Переход к широкому освоению площади Гераклеяского полуострова стал возможен лишь в середине IV в. после появления целой системы укрепленных комплексов по восточной окраине и в глубине полуострова, защитивших его территорию от набегов тавров²⁵.

Таким образом, мы не располагаем достаточными основаниями говорить ни о ведущей роли земледелия на раннем этапе существования Херсонеса, ни о земледельческом характере колонизации этого района. Причины возникновения здесь поселения, несомненно, надо искать в иных сферах деятельности жителей Гераклеи.

Как отмечалось выше, к концу V в. Гераклея стала не только крупным производящим, но и торговым центром Причерноморья. Естественно, что внимание гераклеотов не могли не привлечь рынки северопричерноморских городов, главных экспортеров зерна в Причерноморье. Широкие возможности для активного проникновения в этот регион открылись именно в конце V в. в связи с сокращением в ходе Пелопонесской войны торговой и политической активности афинян²⁶.

Вывод колонии на северное побережье Понта был закономерным и необходимым явлением в жизни Гераклеи. Надо думать, что в создании здесь опорного пункта были заинтересованы в первую очередь торговые слои города²⁷. Проникновение на рынки северопричерноморских городов позволило им расширить вывоз отдельных видов ремесленной продукции и осуществить чрезвычайно обильные поставки вина. Уже на рубеже V—IV вв. гераклеяский напиток поступал не только во все греческие, но и в большинство варварских поселений этого региона²⁸. С другой стороны, тесные экономические контакты с Северным Причерноморьем дали возможность гераклео-

---

²⁴ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХС. Вып. VI. 1961. С. 38; Щеглов. Подпис и хора. С. 41.

²⁵ Николаенко Г. М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1984. С. 278.

²⁶ Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 128.

²⁷ Сапрыкин. Экономические основы ... С. 176.

²⁸ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. V. 1965. С. 11.

там не только обеспечить собственные потребности в зерне, но и организовать широкую транзитную торговлю хлебом²⁹.

С учетом, в первую очередь, интересов гераклеийской торговли был осуществлен и выбор места на северном берегу Понта для вновь создаваемого поселения. Колония возникла в одном из наиболее благоприятных с точки зрения безопасности стоянки кораблей бухт Юго-западного Крыма³⁰. Учитывалось и то, что значение этого пункта для общепонтийской торговли в период перехода от каботажного плавания к кратким маршрутам, идущим через водные пространства Понта, неизмеримо выросло. Явно не случайно в анализируемом перипле вслед за упоминанием Херсонеса автор указывает на наличие краткого западного морского пути к Крыму, конечным пунктом которого была херсонесская гавань³¹. Основывая Херсонес, гераклеийские мореходы несомненно учитывали возможность установления прямой связи между метрополией и вновь создаваемой колонией. По крайней мере, уже к концу первой четверти IV в. краткий южный маршрут плавания от Пафлагонии к Таврике функционировал³². С этого момента юго-западная оконечность Крыма оказалась на пересечении двух наиболее напряженных потоков движения кораблей в водах Понта, что не могло не способствовать превращению Херсонеса в крупный центр транзитной морской торговли³³. Кроме того, к середине IV в. он становится естественным складочным пунктом, регулировавшим торговлю греческих центров Средиземноморья и Южного Причерноморья со всем Западным Крымом³⁴.

Несомненно, что, по крайней мере, до последней трети IV в. нормальная жизнь поселения у Карантинной бухты в большой мере зависела от систематического ввоза основной

---

²⁹ Сапрыкин С. Ю. Рец.: S. M. Burstein. Outpost of Hellenism: The Emergens of Heraclea on the Black Sea. 1976 /А ВДИ. 1977. № 3. С. 232.

³⁰ Золотарев М. А. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации ... С. 98.

³¹ Есть основания полагать, что освоение этого маршрута приходится еще на V в. до н. э. и является заслугой афинских мореходов (См. Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. 116. С. 13.

³² Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 168 сл.; Кац. О роли ... С. 137 сл.

³³ Роль Херсонеса как транзитного торгового пункта хорошо отражает нумизматический материал (Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. НС. Вып. 3. 1968).

³⁴ Щеглов. Северо-западный Крым ... С. 117—118.

сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Не случайно почти во всех группах вещественного материала, обнаруженного при исследовании ранних слоев херсонесского городища, безраздельно господствуют привозные изделия³⁵. При этом, преобладающее положение на протяжении всего периода занимал ввоз из городов южного берега Понта и в первую очередь из метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской³⁶.

Очевидно, что торговый баланс города при отсутствии в нем в то время достаточно мощной производящей базы³⁷ должен был осуществляться со значительным превышением импорта над экспортом. Этот дефицит в какой-то мере мог покрываться за счет доходов, извлекаемых от эксплуатации гавани и портовых сооружений. Кроме того, значительные средства, видимо, поступали от торговых операций в Северо-западном Крыму и Приднепровье, откуда город не только получал необходимую для внутреннего потребления сельскохозяйственную продукцию (в первую очередь хлеб), но и частично вывозил зерно в другие районы греческого мира. Раннее участие херсонесских купцов в общепонтийской хлебной торговле косвенно подтверждается проксенией, данной в начале IV в. до н. э. в Ольвии жителю Херсонеса³⁸.

С учетом всего отмеченного выше, нет оснований отрицать важнейшее, если не первостепенное, место торговли в экономике позднеклассического Херсонеса. Вместе с тем, подобная направленность экономики не могла не оказать влияния на его политическую структуру.

К сожалению, политическое устройство раннего Херсонеса пока не поддается убедительной реконструкции. Единственным источником, содержащим определенную, хотя и скудную информацию по данному вопросу, продолжают оставаться херсонесские монеты, первые выпуски которых появляются через 40—50 лет после основания города³⁹.

---

³⁵ Стржелецкий. Основные этапы... С. 71; Зедгенидзе. К вопросу о причинах ... С. 92.

³⁶ Стржелецкий. Основные этапы ... С. 71; Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // Античный мир и археология. Вып. 4. 1979. С. 184, 190—191.

³⁷ См. дискуссию по докладу А. А. Зедгенидзе // Причерноморье в эпоху эллинизма ... С. 419, 425.

³⁸ Надписи Ольвии. № 11. Л., 1968.

³⁹ А. Н. Зограф определил начало монетной чеканки в Херсонесе вторым—третьим десятилетиями IV в. до н. э. (Античные монеты. МИА. Вып. 16. 1951. С. 146). В. А. Анохин же отнес это событие к 390—380 гг. (Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 20).

Относительно позднее начало чеканки монеты в Херсонесе, по мнению В. А. Анохина, можно объяснить либо отсутствием нужды в ней в этот период, либо тем, что Херсонес на первых порах не имел права ее чеканить⁴⁰. Однако, видимо, нет необходимости противопоставлять отмеченные выше причины, они вполне могли сосуществовать.

Необходимость в собственной монете в Херсонесе должна была возникнуть лишь при определенном, относительно высоком уровне развития внутреннего рынка. Последний же стал активно складываться только после освоения для сельскохозяйственных нужд территории Маячного мыса. Вряд ли только делом случая можно объяснить то, что это событие близко по времени появлению первых монетных выпусков. С другой стороны, нельзя исключить и возможность того, что задержка с чеканкой собственной монеты в Херсонесе явилась результатом сознательной политики его метрополии. Правда, в этом случае придется признать возможность контроля со стороны Гераклеи не только над экономической, но и над политической инфраструктурой города.

Обычно сам факт появления в Херсонесе монеты рассматривается как важнейший показатель суверенитета города, его превращения в автономное государственное образование — polis⁴¹. Однако этот вывод далеко не бесспорен. Известно много случаев, когда чеканка монеты осуществлялась полуавтономными и зависимыми городами и общинами.

За примером далеко ходить не надо. С середины IV в. начинает выпускать свою монету Керкинитиды. Пока мы не располагаем прямыми доказательствами того, что уже в это время город находился в зависимости от Херсонеса. Вместе с тем, большое сходство как в стиле, так и в фактуре монет Керкинитиды и Херсонеса (заставившее некоторых нумизматов даже предположить возможность чеканки керкинитских монет на монетном дворе Херсонеса) не исключает эту возможность. Наконец, показательно, что выпуск собственной монеты в Керкинитиде продолжался и в конце IV — первой половине III вв., в тот период, когда она бесспорно входила в состав херсонесского государства⁴².

Интересно, что аналогичную редким монетам Керкинитиды картину дает нам и сравнение ранних херсонесских монет с

---

⁴⁰ Анохин. Указ. соч. С. 47.

⁴¹ Анохин. Указ. соч. С. 43, 47.

⁴² Зограф. Указ. соч. С. 160 сл.; Щеглов. Северо-западный Крым ... С. 120.

синхронными по времени монетами Гераклен. Здесь так же наблюдается общность типов и полное сходство весовых характеристик⁴³.

Следовательно, ранние херсонесские монеты не дают однозначного ответа на вопрос о политическом статусе города. Само их появление никак не является бесспорным доказательством полной автономии Херсонеса. Общность монетной типологии Херсонеса и Гераклен, применение единой весовой системы для чеканки монет вполне могут рассматриваться не только как еще одно из важных доказательств экономических и политических связей колонии с метрополией, но и как возможное свидетельство зависимости Херсонеса от Гераклен⁴⁴. Однако в любом случае считать Херсонес в первой половине IV в. до н. э. уже сложившимся полисом со сформировавшейся экономикой и политическими институтами, как нам представляется, нет оснований. Напротив, можно предполагать наличие длительного периода прямой зависимости Херсонеса от Гераклен. Именно этот своеобразный экономический и политический статус Херсонеса, сходный со статусом поселений Фасосской Пиерии, и нашел отражение в перипле псевдо-Скилака, где город назван эмпорием.

С другой стороны, нельзя не отметить существенное отличие между этими населенными пунктами. Поселения Пиерии находились в относительной близости от Фасоса, в то время как Херсонес располагался на противоположном от метрополии берегу Понта, на значительном расстоянии, составлявшем даже с учетом плавания по южному краткому маршруту более 300 километров. Следовательно, «эффект дистанции» в данном случае не мог служить основным фактором, вызвавшим появление столь своеобразных, отличающихся от традиционных для греческого мира связей между метрополией и колонией.

В какой-то степени возможные причины появления подобного феномена помогают раскрыть зафиксированные в источниках данные о колонизационной деятельности Синопы. Во второй половине V в. Синопа контролировала на Юго-восточном побережье Понта целый ряд поселений, самыми значительными из которых были Котиора, Керасунт и Трапезунт. Котиора находилась в 150 км к востоку от Синопы, Трапезунт же почти в 300 (!). В этих трех городах побывал Ксенофонт, и в

⁴³ Зограф. Указ. соч. С. 147; Анохин. Указ. соч. С. 34 сл.

⁴⁴ Ср.: Анохин. Указ. соч. С. 47.

его «Анабазисе» сохранились чрезвычайно ценные указания на характер отношений этих поселений с Синопой. Когда войско греков подошло к стенам Котиоры, то здесь его встретило посольство из Синопы, предупредившее, что любую обиду, нанесенную греками-наемниками городу, синопейцы сочтут за свою собственную, так как «котиориты наши колонисты, и эту область дали им мы, отняв ее у варваров. За что они платят нам определенную дань, так же как керасунтцы и трапезунтцы» (V, 5, 10). Сбор дани и контроль над всеми сторонами жизни колоний осуществляли специальные наместники, присланные из Синопы (Апав. V, 5, 19).

Эти данные Ксенофонта позволили М. Е. Максимовой высказать вполне обоснованное предположение, что в истории Синопы мы наблюдаем редкий пример того, как метрополии «путем внутренней колонизации и установления своего рода гегемонии над своими колониями удалось создать целую политико-экономическую систему городов, служивших для эксплуатации обширных районов черноморского побережья»⁴⁵. Свообразие процесса формирования синопского государства М. Е. Максимовой было определено достаточно четко, однако в настоящее время вряд ли можно согласиться с ее заявлением, что пример Синопы представляет собой уникальное, если не единичное, явление в греческой колонизационной практике.

Аналогичную Юго-восточному Причерноморью картину мы наблюдаем на фракийском побережье (Фасосская Пиерия). Можно полагать, что сходные черты присутствуют в организации некоторых государств Великой Греции (Сибарис) и Малоазийского побережья (Родосская Пиерия)⁴⁶. Таким образом, «синопская модель» внутренней колонизации может считаться достаточно типичным явлением для периода поздней классики.

Не исключено, что основные принципы этой модели на протяжении V в. до н. э. активно применяла Гераклея, создавая на Южном берегу Понта систему зависимых поселений⁴⁷. В рамках этой модели осуществляется и вывод в конце V в. колонии в Юго-западный Крым. Ее создание было для гераклеотов не просто выделением некоторого количества своих граждан с последующей полной самостоятельностью возникшего поселения, а сознательным, направленным усилием метрополии к расширению своего влияния в северопричерноморском регионе.

⁴⁵ Максимова. Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ Ггаһат. Op. cit. P. 89, 91.

⁴⁷ Сапрыкин. Гераклея Понтийская ... С. 30.

В соответствии с этим, во вновь основанном поселении формируется своеобразный статус, близкий к статусу поселений Фасосской Пиерии и зависимых городов Юго-восточного Причерноморья. По своему экономическому и политическому положению ранний Херсонес во многом отличался от большинства других северопричерноморских центров. Это не был окончательно сформировавшийся полис со сложившимся сельскохозяйственным производством и ремеслом. Видимо, Херсонес на протяжении по крайней мере 80—90 лет со времени своего основания находился как в экономической, так и в политической зависимости от своей метрополии, выполняя в первую очередь функцию основного опорного пункта Гераклеи на северном побережье Понта.

Е. А. МОЛЕВ

Монеты из раскопок городища и некрополя Китея

Систематические раскопки боспорского города Китея и его некрополя, которые ведутся с 1970 г., дали значительный нумизматический материал, позволяющий в совокупности с другими датирующими находками более или менее точно определить основные этапы истории города. Настоящая заметка посвящена публикации нумизматических материалов из раскопок Китея и его некрополя в 1970—1987 годах.

Всего за 17 полевых сезонов найдено 143 монеты: 124 на городище и 19 на некрополе. За исключением гривенника Елизаветы Петровны 1747 г., все монеты принадлежат античному или раннесредневековому времени. Одна монета золотая (солид Юстиниана), одна биллоновая (статер Рескупорида V — № 95), две серебряные (чеканки Пантикапея — №№ 38 и 124), остальные медные. Кроме того в погребении № 7 некрополя найдена золотая индикация монеты II в. до н. э.¹ Из всего количества находок удалось определить 98 монет. Самые ранние (№№ 1 и 124) датируются 340—330 гг. до н. э. Из них наибольший интерес представляет № 124 с изображением головы Сатира в фас на лицевой стороне и льва, терзающего оленя с легендой ΠΑΝΤΙ на оборотной (Рис. 1). Вес ее 2,78 г., что чуть больше, чем у аналогичной монеты, опубликованной А. Н. Зо-

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. 1951. Вып. 16. Табл. XI. II. 6.